

RU

Переводческие стратегии сохранения имплицитно выраженных аксиологических смыслов художественного произведения (на материале южнокорейских стихотворений и их переводов на английский язык)

Тимко Н. В.

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению имплицитно выраженных аксиологических смыслов текста, обуславливающих его специфическую семантическую организацию (уникальное культурное содержание, культурно обусловленный способ подачи и получения информации). В статье рассматриваются возможности культурно-прагматической адаптации при переводе этих аксиологических смыслов. Цель исследования – выявить основные переводческие стратегии трансляции закодированных в тексте ценностей культуры. Научная новизна заключается в том, что впервые в языкознании и переводоведении были продемонстрированы возможности осуществления лингвокультурной трансляции на западный язык (английский) имплицитно выраженных в тексте на восточном языке (южнокорейском) аксиологических смыслов при условии кардинальных различий доминант восприятия в культурах Востока и Запада. Полученные результаты показали, что в процессе перевода «невидимая» часть культурного содержания текста передаётся при помощи стратегий элиминации национально-культурной специфики (приёмы опущения, компенсации, замены) и экспликации национально-культурной специфики (внутритекстовые пояснения, примечания переводчика, а также билингвистические издания с лингвокультурологическими комментариями).

EN

Translation strategies for preserving implicit axiological meanings of a literary work (based on South Korean poems and their English translations)

N. V. Timko

Abstract. The current research is dedicated to identifying axiological meanings implicitly expressed in a text which is due to its specific semantic organization (unique cultural content, culturally conditioned way of sending and receiving information). The article explores possibilities for cultural and pragmatic adaptation during the translation of such axiological meanings. The aim of this research is to uncover basic translation strategies of allocation of values encoded in the text culture. The scientific uniqueness of the research lies in the fact that in linguistics and Translation Studies, the possibilities of linguistic and cultural translation of axiological meanings, implicitly expressed in a text in an Eastern language (South Korean), to a Western language (English) have been demonstrated for the first time, which is due to cardinal differences of dominant perception in Eastern and Western cultures. Acquired results have shown that in the process of translation the “invisible” part of the text’s cultural content is transmitted by means of strategies of elimination of national and cultural specifics (skipping, compensation, substitution) and explication of national and cultural specifics (in-text explanations, translator’s comments, as well as bilingual publications with linguacultural information).

Введение

Настоящая работа является продолжением нашей статьи «Ценностные доминанты южнокорейской лингвокультуры и их языковая репрезентация», где перспективами дальнейших исследований были обозначены сравнительно-сопоставительные и переводческие изыскания в этой области (Тимко, 2023). В указанной статье мы исследовали вербализацию ценностей южнокорейской лингвокультуры на языковом (лексико-грамматическом)

уровне. Здесь же мы рассматриваем то, как ценности манифестируются в самом тексте, то есть ту *внеязыковую* реальность, которая проявляет себя на уровне описания неотъемлемых ценностей культуры, привычных суждений и оценок, превалирующих способов мышления и восприятия. Подобные описания, не имеющие непосредственного отношения к языку, а проявляющиеся на уровне лингвопрагматики, осложняют взаимопонимание и представляют для переводчика основные трудности, связанные с переводом «непереводимого».

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в последнее время в мире в силу разнообразных геополитических и социокультурных конфликтов всё более остро ставится вопрос о возможностях для построения конструктивного межкультурного диалога без риска утраты собственной идентичности. Для ряда гуманитарных наук, в том числе для перевода, как инструмента межкультурной коммуникации, назрела необходимость показать, что подлинный диалог культур, особенно в оппозиции «Восток – Запад», создаётся на основе точек соприкосновения без прямого заимствования чуждой системы ценностей. И в этой связи выведение принципов передачи аксиологической составляющей при поэтическом переводе с восточного языка на западный играет первостепенную роль. Переводческая деятельность и её продукт – текст – являются и инструментом эффективной межкультурной коммуникации, и собственно самой этой коммуникацией, в связи с чем отрасль перевода и его продуктов (текстов) приобретает исключительную важность, так как способствует сближению культур и установлению взаимопонимания, ведь «культурологические проблемы являются для перевода гораздо более серьёзными, чем проблемы лексического или синтаксического характера» (Тимко, 2008, с. 137).

То, как воссоздаются ценности, образы и смыслы южнокорейской культуры при переводе поэзии на английский язык, несомненно, являет собой серьёзную лингвистическую проблему, особенно принимая во внимание тот факт, что восточный и западный культурный контексты не совпадают. Как писал К.-Г. Юнг, «Западу самой судьбой было предопределено познакомиться со своеобразием восточного духовного склада... Когда мы что-то перенимаем непосредственно у Востока, мы тем самым лишь сдаём позиции нашему западному стремлению к приобретательству, согласно которому всё благое приходит извне» (Юнг, 1994, с. 105). Однако «развитие как человека, так и культуры предполагает отказ от односторонности и переход к более универсальной точке зрения. Это делает возможным понимание иной личности и чужой культуры» (Носоченко, 2020, с. 41), и в этом огромная образовательная роль принадлежит переводу, а на переводчика, как транслятора иных ценностей и иного мировоззрения, ложится огромная ответственность.

В задачи работы входит, во-первых, определить, как проявляются в художественном произведении традиционные для Южной Кореи ценности на имплицитном уровне. Имплицитный или экстралингвистический уровень не сводится к сопоставлению лингвистических единиц и их значений (то есть к «распознаванию» явного смысла в тексте), он представляет собой ту аксиологическую информацию (этика поведения героев, восприятие окружающего мира и себя в этом мире), для понимания которой требуются усилия реципиента, соответствующие «чтению между строк» и вызывающие определённую реакцию у читателя, на которую рассчитывал автор. Во-вторых, задачей исследования является обозначить переводческие возможности передачи ценностного потенциала, воплощённого в южнокорейском стихотворении, на английский язык и выделить те переводческие стратегии, благодаря которым «невидимое», нелингвистическое, подразумеваемое содержание оригинала становится понятным носителю языка перевода.

Для решения поставленных задач использовались методы контекстуального анализа и традиционный для переводоведения метод ретроспективного анализа – сопоставление оригиналов южнокорейских стихотворений и их переводов на английский язык. Контекстуальный анализ применялся при рассмотрении скрытых отсылок к определённым ценностям южнокорейской культуры и коммуникативным установкам автора, а также структурно-семантических, стилистических и прагматических особенностей оригинала. Сравнительно-сопоставительный метод использовался для выявления степени равноценности оригинала и перевода, а также адекватности применения той или иной стратегии.

Материалом для исследования послужили южнокорейские стихотворения и их переводы на английский язык. Подобный выбор материала обусловлен двумя факторами: во-первых, перевод поэзии является самой сложной вариацией переводческой работы, требующей использования гибкого, компромиссного подхода для передачи как особой формы поэтического произведения, так и всей эмоционально-эстетической нагрузки и художественной красоты подлинника. Во-вторых, корейский и английский языки принадлежат к разным «культурным контекстам» (Hall, 1997) и обнаруживают полное несовпадение «культурных решёток» (Bassnett, Lefevere, 1998), что требует от переводчика осознанно балансировать между двумя контекстуально приемлемыми стратегиями культурно-прагматической адаптации – экспликацией национально-культурной специфики или её нейтрализацией с учётом иных «доминант восприятия» (Ухтомский, 2002) читателя перевода.

Для анализа мы выбрали два стихотворения современного южнокорейского поэта Со Чжон Чжу (서정주):

1) стихотворение «푸르른날» (Пурырын наль – «Этот лазурный день») (The Columbia Anthology of Modern Korean Poetry / ed. by D. McCann. N. Y.: Columbia University Press, 2004, p. 155);

2) стихотворение «문둥이» (Мундуни – «Прокажённый») (The Columbia Anthology of Modern Korean Poetry / ed. by D. McCann. N. Y.: Columbia University Press, 2004, p. 215).

Переводы обоих стихотворений были выполнены на английский язык переводчиками Чэ Пён Соном (Chae Pyong Song) и Энн Рашид (Anne Rashid) (Korean Poetry in Translation. <https://jaypsong.blog/category/seo-jung-ju>).

Теоретической базой послужили труды учёных-корееведов Г. А. Амановой (2010), А. А. Ким (2016), В. А. Разумовской и А. С. Николаевой (2015), благодаря которым удалось описать некоторые особенности южнокорейской поэзии в целом и своеобразии поэтического слова поэта Со Чжон Чжу в частности, а также

специфику некоторых южнокорейских ценностей, традиций и менталитета. Ключевым аспектом работы явилось описание возможностей культурно-прагматической адаптации и решения проблемы преодоления культурологической непереводаемости, что стало осуществимым благодаря исследованиям теоретиков и практиков перевода С. В. Евтеева и Л. К. Латышева (2018), К. Я. Янович (2013) и Д. Кэтана (Katan, 2014). Работа Р. Р. Чайковского и Е. Л. Лысенковой (2013) «Перевод поэзии: типология и множественность» помогла обратить внимание на явление множественности и вариативности поэтических переводов в зависимости от переводческой установки на приближение читателя к оригиналу либо на приближение оригинала к читателю. Работы культурологов М. А. Носоченко (2020), С. Басснет, А. Лефевра (Bassnett, Lefevere, 1998), Э. Холла (Hall, 1997) способствовали расширению теоретической базы исследования в плане описания оппозиции «Запад – Восток» с точки зрения уникальных характеристик менталитета и доминант восприятия представителей этих лингвокультурных пространств.

Практическая значимость статьи видится в том, что полученные результаты могут найти применение в преподавании корейского языка, в курсах по теории перевода, предпереводческому анализу текста, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации на лингвистических факультетах вузов. Результаты исследования могут послужить основой для сравнительно-сопоставительных и переводческих исследований, а также внести вклад в расширение научной парадигмы и тематики филологических исследований, выполненных в междисциплинарном ключе.

Обсуждение и результаты

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда... Лишь у подножья Престола Божья в день Страшного Суда». Эти строки Редьярда Киплинга из «Баллады о Востоке и Западе» в переводе В. А. Потаповой (Киплинг Р. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Радуга, 2000, т. 1, с. 110) и по сей день являются манифестом тех, кто полагает, что между Востоком и Западом – огромная пропасть. В основе западной культурной традиции лежит стремление человека к познанию и освоению внешнего мира. Восточное же мировоззрение, напротив, строится на уходе человека от внешнего мира глубоко внутрь себя, на некоем подчинении текучести бытия и отказе от активных действий (в отличие от Запада).

Однако сторонники успешного диалога между Востоком и Западом указывают на то, что Восток европеизируется, а Запад проявляет всё больший интерес к традициям Востока (философии, искусствам, медицине). На Западе интерес к Востоку формировался постепенно, с течением времени «интеллектуальные и духовные проблемы, традиционные для Востока, завоёвывали умы европейцев. Однако сейчас уже очевидно, что Запад, оставаясь верным собственной судьбе, должен развиваться на имманентных ему духовных и интеллектуальных основаниях» (Носоченко, 2020, с. 42).

Позволим себе в этой связи перефразировать следующую мысль К.-Г. Юнга – «мы можем усвоить дух Востока, лишь твёрдо стоя на собственной почве» (1994, с. 211). А так как западное и восточное мировоззрения находят отражение в художественных текстах своих культурных пространств, полагаем, что эту фразу Юнга можно рассматривать в преломлении к переводу восточных произведений на западные языки, чтобы познакомить западного читателя с уникальной культурой Востока, но лишь до той степени, пока доминанты восприятия западного читателя не входят в конфликт с восточным мировоззрением и способом передачи содержания. Это наше умозаключение соответствует идее Д. Кэтана о том, что «переводчик как культурный посредник / медиатор не только должен быть полностью осведомлён о национально-специфических способах мышления, верованиях, ценностях другой культуры, но и очень чётко осознавать свою культурную принадлежность, чтобы понимать механизмы восприятия инокультурных текстов» (перевод автора статьи. – Н. Т.) (Katan, 2014, p. 35).

Более того, каждый текст имеет определённое соотношение переводимого и непереводаемого. Непереводаемость нельзя рассматривать как одну из «рабочих» трудностей перевода – типа тривиальных лексических и грамматических трудностей. Она связана не с естественными различиями языков, на самом деле «есть “родовой” изъян перевода как одного из способов обеспечения коммуникации людей с разными языками и культурами, как результат общественно обусловленной “претензии” перевода на то, чтобы делать это на уровне, сравнимом с естественной, одноязычной, коммуникацией, с одной стороны, и невозможность полностью сравняться с ней, с другой» (Евтеев, Латышев, 2018, с. 71). В нашем случае проблема перевода художественного текста южнокорейской поэзии усугубляется ещё и несовпадением «мировоззренческих культурных решёток» высокого контекста Востока и низкого контекста Запада (Hall, 1997). «Некоторые культуры обладают уникальными текстовыми и культурными решётками, структура которых не имеет аналогов и характеризуется гомогенностью и закрытостью. Яркими примерами гомогенных культур являются культуры Востока» (Разумовская, Николаева, 2015, с. 37), в частности культура Южной Кореи.

Что касается корейской литературы, она делится на традиционную и современную. В отличие от традиционной литературы, опиравшейся на определённые каноны, современная начиная с конца XIX века шла путём исканий и экспериментов, активно взаимодействуя с западным миром. В результате знакомства с мировыми литературными тенденциями, а также в результате проб, ошибок и открытий менее чем за полвека «она обрела свой характер и свою силу, что подтверждают растущие тиражи и престижные международные награды» (Ким, 2016, с. 5).

Перейдём к сравнительно-сопоставительному анализу оригинальных стихотворений на корейском языке и их переводов на английский язык.

Стихотворение «푸르른날» (Пурырын наль – «Этот лазурный день»)

Автор: 서정주 (Со Чжон Чжу)

Переводчики: Chae Pyong Song (Чэ Пён Сон) и Anne Rashid (Энн Рашид)

<p>푸르른날 (Пурырын наль)</p> <p>눈이 부시게 푸르른 날은 (нуни пусигэ пурырын нарын) 그리운 사람을 그리워하자. (кыриун сарамыль гириуоходжа)</p> <p>저기 저기 저, 가을꽃 자리 (чоги чоги чо, гаыль ккот чари) 초록이 지쳐 단풍 드는데 (чхороки джичхё ганпхун тынындэ)</p> <p>눈이 내리면 어이하리야 (нуни нэримён оихария) 봄이 또 오면 어이하리야 (поми тто омён оихария) 내가 죽고서 내가 산다면! (нэга чуккосо нига сандамён) 내가 죽고서 내가 산다면? (нига чуккосо нэга сандамён)</p> <p>눈이 부시게 푸르른 날은 (нуни пусигэ пурырын нарын) 그리운 사람을 그리워하자. (кыриун сарамыль гириуоходжа)</p>	<p>This Azure Day</p> <p>On this blindingly azure day, Let us long for those we miss.</p> <p>There, where autumn flowers sit, green has given in to red.</p> <p>Let the snow fall. Let spring return.</p> <p>What if you are alive when I die? What if I am alive when you die?</p> <p>On this blindingly azure day, Let us long for those we miss.</p>
---	---

Корейский поэт Со Чжон Чжу (서정주), писавший под псевдонимом Миданг (미당; букв. «еще не полностью выросла»), считается отцом-основателем современной корейской поэзии и одним из лучших поэтов корейской литературы XX века. Его номинировали на Нобелевскую премию по литературе пять раз, а в 2007 году Ассоциация корейских поэтов включила его в десятку самых важных корейских поэтов современности (его произведения переведены на английский, французский, испанский и немецкий языки). В стихах Со Чжон Чжу, помимо традиционной для южнокорейской поэзии мысли об органической соотнесённости и неразрывности связи человека и природы, присутствует также внимание к частной жизни и индивидуальной судьбе человека в цепочке «человек – жизнь – общество». «Для художественной системы Со Чжон Чжу характерно сочетание “бытийной” проблематики с объективизированным изображением действительности по принципу реалистического детерминизма» (Аманова, 2010, с. 7). Поэт расширяет семантику поэтического слова не только использованием его в символическом значении, но и употреблением рядом с ним непривычных эпитетов.

В этом коротком стихотворении Со Чжон Чжу всего 10 строк. Однако здесь на имплицитном уровне выражены очень важные традиционные корейские ценности, такие как единство природы и человека, ценность традиций, ценность семьи (почитание предков, уважение к старшим, ценность семейных уз, следование традициям поминовения). Сложность реконструкции аксиологических смыслов на английский язык состоит в том, что в стихотворении все эти ценности не вербализованы явно на языковом уровне (например, в словах-реалиях или в культурных коннотациях), они выражены имплицитно как отсылка к традиционному корейскому празднику Чхусок и к тому, что с ним связано.

Стихотворение начинается с того, что в этот особенный («лазурный») день нужно вспомнить всех, по кому мы скучаем. Затем описано, что зима сменяет осень, а весна – зиму. Описание смены сезонов и особенно осеннего дня поминовения немедленно активизирует в сознании корейцев сведения о празднике Чхусок (추석, 秋夕, дословно «осенний вечер»). В понимании корейского народа смена сезонов – это проявление жизни и смерти: весной появляется жизнь, а осенью она увядает и умирает. В сакральный для корейцев семейный праздник Чхусок, который отмечается по лунному календарю в середине осени, люди собираются вместе за вкусным столом, чтобы отдохнуть в кругу близких и по традиции почтить предков. Ранним утром в каждом доме в кругу семьи проводится церемония жертвоприношения духам предков, поэтому стихотворение наполнено чувством скорби поэта, ведь упоминание приближающейся зимы говорит о глубоком переживании утраты и вместе с тем о бренности любой человеческой жизни, а также наводит поэта на размышления о том, что будет, когда близкий человек уйдёт из его жизни, и о том, как его близкие будут переживать его уход. Эти философские размышления поэта выражаются в тексте стихотворения на синтаксическом уровне. При переводе строк «눈이내리면어이하리야. / 봄이또오면어이하리야», где -면 (мён) – это соединительное окончание со значением «если, когда», а слово «어이하리야» (оихария) имеет значение «как поступить в данной ситуации? что делать?», переводчики столкнулись с явной проблемой невозможности сохранения полноты содержания при сохранении полноты формы. Более того, «어이하리야» является архаизмом, вместо которого в современной разговорной речи используются такие выражения, как «어찌하리까» (одзихарикка) или «어떻게해야하나» (оттоккэхэяхана).

На английский язык строки были переведены как “Let the snow fall. / Let spring return” («Так пускай идёт снег. / Так пускай вернётся весна» (здесь и далее – перевод автора статьи. – Н. Т.)), что, конечно же, не передаёт полностью значения риторического вопроса на корейском, который подразумевает следующее: «Что же нам делать, если пойдёт снег? / Как нам поступить, когда снова придёт весна?». Однако мы не можем считать это ошибкой в переводе, так как избранная стратегия (в данном конкретном случае) адаптивирования специфической корейской формы под сжатый вариант на английском языке (“let”) служит, во-первых, сохранению лаконичности и простоте изложения, присущей корейскому стихотворному тексту, а во-вторых, передаёт определённое мировоззрение корейцев – согласие с происходящими помимо воли человека событиями и подчинение бытию. Эти же рассуждения о важности сохранения узальной для английского языка грамматической формы при допустимой потере смысла можно отнести и к переводу строк «내가죽고서네가산다면 / 네가죽고서내가산다면?». / “What if you are alive when I die? / What if I am alive when you die?” («Что, если ты будешь ещё жив, когда я умру? / Что, если я буду еще жив, когда умрёшь ты?»). Так как «-어서» является соединительным окончанием со значением последовательности действий или причинно-следственной связи, буквальный смысл строк на корейском языке немного другой: «Я умру, когда же ты продолжишь жить. / Ты умрешь, когда продолжу жить я».

Переводчики в обоих случаях прибегли вполне оправданно, на наш взгляд, к стратегии элиминации (устранения национально-культурной специфики, выраженной на синтаксическом уровне), что вызвано необходимостью приблизить южнокорейский текст к читателю на английском языке с присущими ему доминантам восприятия, иными словами, сделать его «удобоваримым». По верному замечанию Р. Р. Чайковского и Е. Л. Лысенковой, «понятие максимальной достоверности поэтического перевода непременно должно учитывать пределы, обусловленные спецификой каждого из языков» (2013, с. 82).

Что же касается самого важного – отсылки к известному празднику, что и составляет суть содержания стихотворения, здесь, полагаем, был бы уместен лингвокультурологический комментарий, поясняющий читателю эту недостающую информацию.

Стихотворение «문둥이» (Мундуни – «Прокажённый»)

Автор: 서정주 (Со Чжон Чжу)

Переводчики: Chae Pyong Song (Чэ Пён Сон) и Anne Rashid (Энн Рашид)

문둥이 (Мундуни)	Leper
해와 하늘빛이 (хэуа ханьльпичхи) 문둥이는 서러워 (мундонинын сороуо)	By the sun and the light of the sky, the leper grows sorrow
보리밭에 달 뜨면 (порибатхэ таль ттымён) 애기 하나 먹고 (эги хана мокго)	When the moon rises above the barley field A child is eaten
꽃처럼 붉은 울음을 밤새 울었다. (ккотчхором пульгын урымьль памсэ уротта)	Tears as red as a flower falls at night.

В стихотворении «Прокажённый» всего из 5 строк фиксируются такие ценностные ориентации южнокорейского общества, как природа (образы солнца, неба, луны, поля, сравнение красных слёз прокажённого с цветами), ценность традиций, обычаев и историческое наследие.

При анализе оригинала и перевода следует в первую очередь снова обратить внимание на то, как переводчики решают проблему преодоления грамматической асимметрии. Некоторые корейские фразы не имеют субъекта, но читатели всё равно понимают, о чем говорит автор. Так, при переводе строк без выраженного субъекта действия «보리밭에달뜨면 / 애기하나먹고» (порибатхэ таль ттымён / эги хана мокго). / “When the moon rises above the barley field / A child is eaten” («Когда луна поднимается над ячменным полем, ребёнка съели») встал выбор между добавлением смысловых единиц «он/она» или «прокажённый(-ая)», отвечающих на вопрос «кто совершил действие?», и сохранением аутентичного корейского безличного предложения. Переводчики сохраняют безличность при помощи использования пассивной формы (“a child is eaten”), позволяя читателю текста на английском языке воспринять его так же, как если бы он читал его на корейском, однако только при условии достаточного багажа фоновых знаний.

Помимо сложности передачи формы обнаруживается сложность понимания скрытых смыслов и культурных/исторических отсылок. Основной вопрос, который возникает у читателя: «Почему в стихотворении о прокажённом и его страданиях появляется съеденный ребёнок?». Ответить на этот вопрос можно, только окунувшись в историю и мифологию Кореи.

Во времена династии Чосон в Корею была вспышка проказы. Прокажённые люди страдали от гранулём на коже по всему телу. И так как лекарств от болезни не существовало, прокажённые были изгоями общества, сосланными в конце концов на далекий остров Со Рок До. Поэтому в стихотворении показаны страдания и печаль прокажённых – «даже при виде солнца и неба печаль прокажённого не уходит», «слёзы его алые

как цветок, капают в ночи». Что касается съеденного ребёнка, то раньше считалось, что если прокажённый съест печень или другую часть тела младенца, то он излечится. Поэтому всякий раз, когда группа прокажённых проходила мимо деревни, ещё до наступления темноты пропадал ребёнок («Когда луна восходит над ячменным полем, ребёнка уже съели»). Безусловно, к переводу данного произведения должен быть добавлен затекстовый лингвокультурологический комментарий. В рамках поэтического перевода объяснить вышележащее без комментария, то есть эксплицирование скрытого смысла подразумеваемых и известных всем корейцам сведений, невозможно. В этом плане прекрасным решением может явиться создание билингвистических изданий, в которых представлены тексты на двух языках, что способствует «оживлению» читателя в другую культуру, перемещению в другое информационное культурное пространство (Янович, 2013, с. 78).

При контекстуальном анализе обоих стихотворений мы видим, что в случае имплицитного выражения ценностей аксиологический контекст раскрывается читателю во всей полноте его смыслов и образов благодаря активации знакомых исторических и культурных сведений, поэтому при переводе южнокорейских стихотворений на английский язык переводчикам пришлось преодолевать не только языковой барьер, связанный с асимметрией на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, но и культурный барьер, сопряжённый с асимметрией восприятия и понимания текстов.

Заключение

Несмотря на то, что имплицитно выраженные культурные смыслы оригинала могут быть не знакомы носителю языка перевода и что ценностные «решётки» исходной и принимающей культур могут не совпадать, мы придерживаемся позиции принципиальной переводимости за счёт сбалансированного использования двух стратегий лингвокультурной адаптации при переводе – элиминации и экспликации лингвокультурной специфики.

Элиминация заключается в замене несвойственных английскому языку грамматических и синтаксических форм (соединительные окончания со значением причинно-следственной связи или последовательности действий, отсутствие указания на субъект действия) на узусальные для английского языка формы (использование наречий времени *when* и лексемы *let* в побудительном предложении, добавление субъекта и употребление пассивных конструкций). Подобные трансформации обусловлены лексико-грамматической асимметрией корейского и английского языков и не нарушают общее понимание и восприятие текста. Стратегия экспликации выражается в первую очередь в лингвокультурологических комментариях переводчика (в этом видится огромная роль перевода как средства знакомства англоязычного читателя с южнокорейской культурой). Иного средства ознакомить читателя перевода с ценностными ориентациями и культурно-историческими отсылками, зашифрованными автором оригинала в тексте, нет.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении семантической организации художественного/поэтического текста в совокупности его эксплицитных и имплицитных смыслов, то есть в более объёмном изучении как денотативно-референциального компонента семантического пространства текста, так и концептуальной информации, которая чаще всего «вшита» в текст на имплицитном уровне.

С точки зрения сравнительно-сопоставительных и переводческих исследований, было бы интересно изучить степень «переводимости» южнокорейских стихотворений на русский язык в разные исторические промежутки, например сравнить переводы корейских стихотворений, сделанных Анной Ахматовой, не владевшей корейским языком и выполнявшей перевод по подстрочнику, и переводы этих же стихотворений, выполненных современными переводчиками. Также было бы интересно сравнить переводы на английский и русский языки с точки зрения изучения того, какая часть «ценностного» потенциала текста на корейском языке сложнее всего поддаётся переводу.

Источники | References

1. Аманова Г. А. Становление современных форм корейской поэзии: конец XIX – середина XX в.: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2010.
2. Евтеев С. В., Латышев Л. К. К проблеме переводимости: культурная непереводаемость // Филология и культура. Языкознание и литературоведение. 2018. № 1 (51).
3. Ким А. А. Дерево с глубокими корнями: корейская литература // Иностранная литература. 2016. № 11.
4. Носоченко М. А. Восток – Запад: проблема диалога культур // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 2 (24).
5. Разумовская В. А., Николаева А. С. Эстетическая информация сиджо как проблема перевода (на материале поэмы «Времена года рыбака»/어부사시사) // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2.
6. Тимко Н. В. Достижение культурного понимания в переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1.
7. Тимко Н. В. Ценностные доминанты южнокорейской лингвокультуры и их языковая репрезентация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 5.
8. Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939. СПб.: Питер, 2002.
9. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Перевод поэзии: типология и множественность. М.: ИИУ МГОУ, 2013.

10. Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге Великого освобождения» // Юнг К.-Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
11. Янович К. Я. Билингвистические издания в пространстве культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (53).
12. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998.
13. Hall E. T. Beyond Cultures. N. Y.: Anchor Books, 1997.
14. Katan D. Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters, Mediators. N. Y.: Routledge, 2014.

Информация об авторах | Author information

RU**Тимко Наталья Валерьевна¹**, к. филол. н., доц.¹ МГИМО МИД России, Одинцовский филиал;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

EN**Natalia Valeriyevna Timko¹**, PhD¹ MGIMO University, Odintsovsky branch;

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

¹ n.timko@odin.mgimo.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.03.2024; опубликовано online (published online): 21.05.2024.

Ключевые слова (keywords): имплицитные аксиологические смыслы; стратегии культурно-прагматической адаптации; ценностный потенциал текста; элиминация и экспликация национально-культурной специфики; implicit axiological meanings; strategies of cultural-pragmatic adaptation; axiological potential of a text; elimination and explication of national and cultural specifics.